
РЫЦАРСКОЕ НАДГРОБИЕ ИЗ КОРОЛЁВСКОГО ЗАМКА НЯЛАБ

**Игорь Прохненко
Мария Жиленко**

Ключевые слова: рыцарские надгробия, Королёвский замок Нялаб, Перени, Джованни Далмата.

Закарпатская обл. Украины входит в особый историко-географический микрорегион в северо-восточной части Карпато-Дунайского ареала, климатическое и ландшафтное своеобразие которого определило его сравнительно слабую заселённость в сравнении с соседними территориями практически во все периоды древней и средневековой истории. Каждое ощутимое увеличение численности местного населения было связано не с внутренними демографическими процессами, а с внешними инвазиями в результате определённых обострений ситуации в Европе, в ходе которых массы людей были вынуждены искать спасения на отдалённых от культурных центров заболоченных, лесистых землях с повышенной влажностью под Карпатскими горами.

Новые поселенцы обычно приносили в горное Потисье передовые идеи и технологии, что заметно отличало их на фоне автохтонных жителей края, контакты с которыми приводили к появлению новых синкретических явлений в местной материальной культуре. Один из наиболее ярких периодов её развития в регионе – эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени. Именно тогда в условиях турецко-венгерско-австрийского противостояния в Карпато-Дунайском ареале его окраинные северо-восточные земли стали привлекательными для сравнительно безопасного проживания, что привело к значительному притоку сюда нового населения, развитию ремёсел и торговли, росту объёмов капитального строительства (застройка городов и посёлков, замков, дворцов, церквей и монастырей).

Среди памятников Закарпатья этого времени мощным культурным слоем отличается замок Нялаб, расположенный на северо-западной

окраине посёлка Королёво Виноградовского района. Высота замковой горы 52 м. С её вершины отлично просматривается долина р. Тисы, протекающей в 300 м от подножья. Центр крепости, площадью 52×47 м, в плане приближённой к овальной форме, находится в северо-западной части верхней террасы горы. Расположенные по периметру жилые помещения окружают небольшой внутренний дворик с колодцем (рис. 1). В 20 м от основного замкового сооружения проходила дополнительная оборонительная линия с постройкой прямоугольной формы. Основную и вспомогательную системы укреплений соединял мост, построенный на массивной каменной опоре с арочным сводом в центральной части. Дополнительную защитную линию окружал ров. Для контроля грунтовой дороги – единственного удобного подхода к замку, на северо-восточной окраине урочища, на отдалении от основного архитектурного комплекса, возведён бастион клиновидной формы.

Письменные источники свидетельствуют о функционировании крепости на северо-востоке Венгерского королевства с конца XIII по третью четверть XVII века. За это время укрепление часто меняло собственников. В частности в эпоху Ласло IV (1272-1290 гг.) оно принадлежало роду Убулфи. В начале XIV в. им владел магнат Беке Боршо, а после восстания Матея Чака (1312 г.) против венгерского короля Карла Роберта Анжуйского (1301/1310-1342 гг.) в 1315 г. оно перешло в руки бережского жупана Томаша. В последней четверти XIV в. король Людовик Великий (1342-1382 гг.) передал замок молдавским вельможам Балку и Драгу, а в 1403 г. король Сигизмунд (1387-1437 гг.) подарил его Петру Перени. Кроме короткого отрезка времени во второй половине XV в., когда укрепление формально принадлежало братьям Батори, Нялаб до конца своего существования оставался в руках

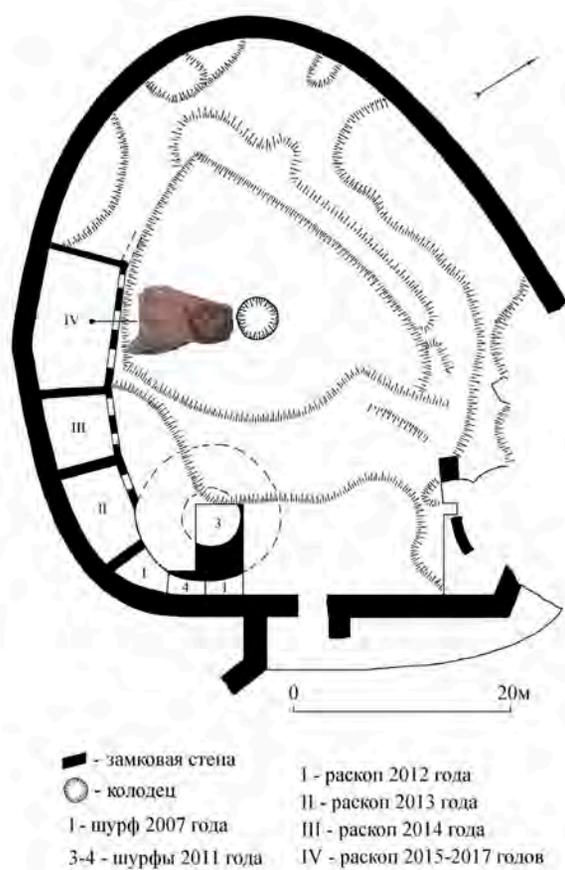

Рис. 1. Центральная часть Королёвского замка Нялаб. Место находки фрагмента рыцарского надгробия.

Перени. Заключительный этап истории этого сооружения связан с событиями после восстания Ференца Вешшелени 60-х гг. XVII в., в котором участвовали несколько угочанских родов. Для контроля над регионом австрийский император Леопольд I (1655-1687 гг.) разместил в Королёвской крепости гарнизон во главе с Конрадом Мейером Бранденбургским. В конце 1671 – начале 1672 гг. стены Нялаба были взорваны, после чего он больше не восстанавливался.

Несмотря на насыщенную событиями историю замка, до недавнего времени на его территории и в ближайшей округе проводились лишь периодические незначительные археологические поиски. Они осуществлялись местными энтузиастами, передавшими часть обнаруженных находок в Венгерский национальный музей (г. Будапешт) в 1859 и 1881 гг., сотрудниками Музея Природы (г. Киев) в 80-х гг. и сотрудниками Украинского специально-

го научно-реставрационного института «Укр-рзападпроектреставрация» (г. Львов) в начале 90-х гг. прошлого века.

Систематизированное археологическое исследование памятника началось с 2007 года. В полевых сезонах 2007, 2011-2017 годов экспедиция Ужгородского национального университета изучала планировку замка и его стратиграфию. Анализ полученной коллекции вещевого материала свидетельствует о жизнедеятельности на укрепленном пункте с начала XIV по середину XVII в., что в основном совпадает с информацией письменных источников.

Зафиксированная в центральной части памятника мощность культурного слоя составляла от 4,5 до 5 м, а стратиграфические наблюдения позволили выделить в исследованных помещениях два основных горизонта (до и после разрушения стен). Верхний – это массивные обломки стен, завалы крупных андезитовых камней, штукатурки и кирпичей, однородной массой заполнивших замковые комнаты после взрывов. Нижний горизонт соответственно залегал ниже уровня пола помещений. Состоял он из глины со значительным содержанием мелкого строительного мусора (штукатурка, обломки кирпичей, камни). Его заполнение составляли фрагменты керамики и индивидуальные находки XIV-XVI вв.

В полевом сезоне 2015 года возле юго-западной стены основного замкового сооружения заложили раскоп IV. Восточным профилем он примыкал к раскопу III, где в 2014 году была исследована комната 2 (рис. 1). В ходе разборки верхней части завалов камней удалось ограничить площадь раскопа IV стенами помещения 3 (81,6 м²). На сегодняшний день из исследованных на Королёвском замке оно наибольшее. Изученные ранее хозяйственное помещение, комнаты 1 и 2 были значительно меньшими – 7,1; 26,56 и 36,5 м² соответственно.

Помещение 3 в плане четырёхугольной формы. Его юго-западная стена, длиной 12,3 м, которая одновременно была внешней стеной центральной части укреплений, чуть закруглена с изгибом на внешнюю сторону. Длина юго-восточной стены – 6 м, северо-восточной – 12,1 м, северо-западной – 7,1 м. Вход и два окна с шириной проёмов 1,6 м находились на северо-восточной стене со стороны внутреннего замкового двора (рис. 1). В восточ-

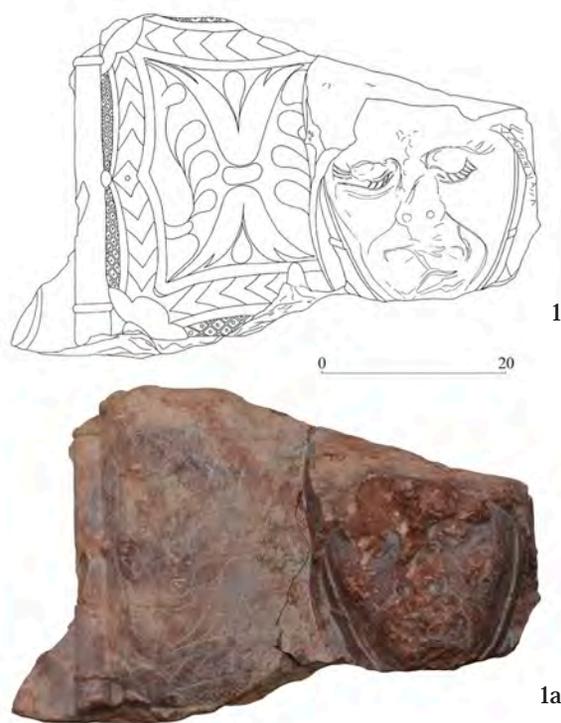

Рис. 2. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб: 1 - графика; 1а - фото.

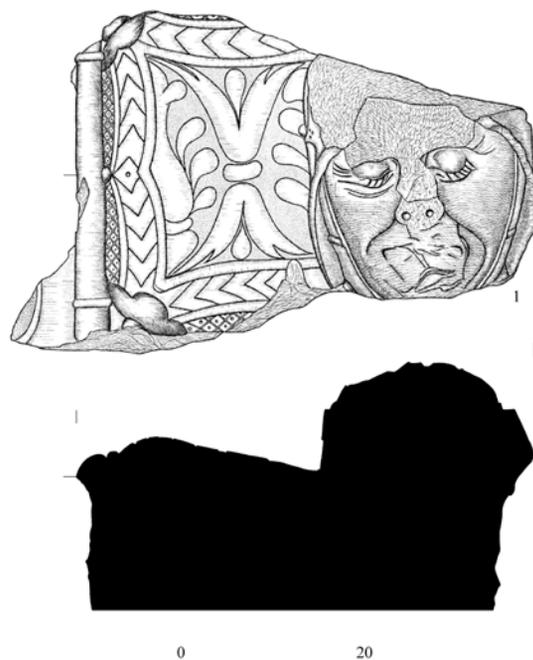

Рис. 3. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб.

ном углу помещения стена выступает внутрь, образуя небольшую кабинку размером $1,84 \text{ м}^2$ ($0,8 \times 2,3 \text{ м}$). На большей плоскости этого выступа выявлены следы замурованного входа, функционировавшего, скорее всего, до реконструкции замка в конце XVI в.

Прослеженная на этом участке стратиграфическая ситуация в общих чертах подобна зафиксированной в других помещениях замка. Скопления мусора XX века концентрировались только возле южной, наиболее сохранившейся стены. Они были насыпаны на поверхность без её разрушения, поэтому не учитываются при анализе стратиграфических горизонтов. До глубины 2,0 м от репера залегали завалы камней и штукатурки, образовавшиеся после взрывов стен. Верхние слои завалов стен, до глубины 1,0 м, инвентаря не содержали. В нижней части горизонта (1,0-2,0 м) обнаружено незначительное количество фрагментов керамической посуды и обломков кафеля XVI-XVII вв. Из индивидуальных находок горизонта выделим польскую монету Сигизмунда Старого (1506-1548 гг.), вытянутую медную

пластину с фигурным завершением (вероятно, стрелка от часов), половину свинцовой товарной текстильной пломбы с буквами S и T, обломки двух рукояток столовых приборов и три железные пули.

Завалы подстилал слой хорошо отмученной глины, в котором не зафиксировано ни одного керамического обломка, но обнаружен чёткий хроноиндикатор – монета императора Леопольда I, датированная 1662 годом. находка была в верхней части прослойки глины, в 5,0 см вглубь от её поверхности. Также необходимо отметить, что эта вязкая глина без инвентаря не фиксируется в восточных квадратах раскопа, а, начинаясь с середины комнаты тонким слоем, набирает значительную мощность (иногда до 0,4-0,5 м) в западных квадратах. Вероятнее всего, эта глина в период использования комнаты исполняла роль теплоизоляционного перекрытия потолка, которое вместе с каркасной деревянной конструкцией рухнуло во время разрушения сооружения. Различная мощность этой прослойки и увеличение её толщины в направлении

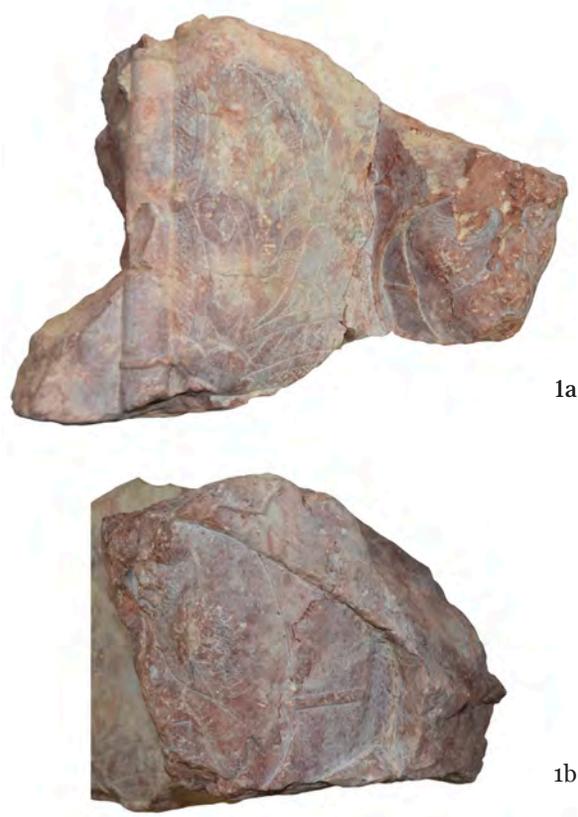

Рис. 4. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб: 1а - вид с левой стороны; 1б - вид с правой стороны.

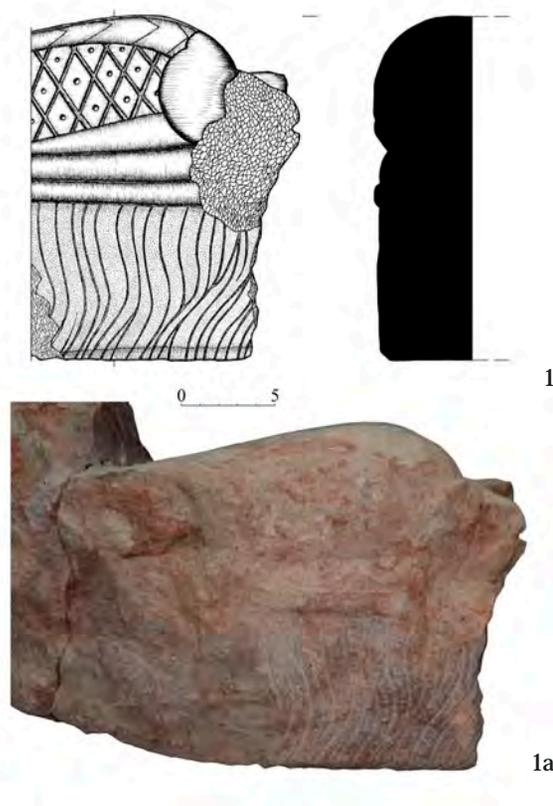

Рис. 5. Обломок рыцарского надгробия с Королёвского замка Нялаб. Верхний край.

от восточных к западным квадратам позволяет говорить, что перекрытие сначала было разрушено возле дверей, куда и ссыпалась сверху большая часть грунта. Такая стратиграфическая ситуация свидетельствует, что после этого солдаты гарнизона Конрада Мейера Бранденбургского приступили к разрушению самих стен, в результате чего в горизонт попали элементы оконных и дверного каменных перекрытий, а также другие декорированные элементы.

Под завалом потолка на всей площади залегал горизонт, образованный в результате использования помещения 3. Он состоял из глинобитного пола, усыпанного равномерным слоем керамики. Возле стен фиксировались скопления индивидуальных находок. Значительная их часть была связана с литьём цветных металлов, в том числе и с целью изготовления фальшивых монет, несколько готовых сложенных в стопку экземпляров которых также были обнаружены здесь. Кроме оплавленных кусочков бронзы различных

размеров, олова и свинца, была обнаружена и группа вещей, которые условно можно назвать «сырьём литейщика». Это и массивные фрагменты пушек (5 шт.), и специально смятый серебряный перстень, и сложенная дважды до состояния четвертинки монета Фердинанда I (1531 г.), позволяющая датировать весь комплекс и производство, и значительное количество других мелких изделий из цветных металлов. Особенное скопление подготовленных к литью вещей фиксируется в юго-западном углу сооружения, где, вероятно всего, и находился «склад» этого лома, который частями пускали на переплавку. Возле западной стены комнаты обнаружена и кучка инвентаря, в состав которой входили связанные с чеканкой четыре предмета. Это скрученная в трубочку бронзовая пластина, на которую ставили бронзовую шайбу-муфту с формой для чеканки в середине верхней плоскости, повреждённая бронзовая заготовка для чеканки (круглая пластина диаметром 24,0 мм, который соответствует рабочему диаметру муфты) и железный массивный чекан

с рабочей ударной поверхностью также соответствующего диаметра.

Особое внимание во время исследования помещения № 3 Королёвского замка Нялаб привлек обломок надгробной плиты, изготовленной из красного мраморизированного известняка. Обнаружен он в слое XVI-XVII веков. Небольшой, но массивный (60,02 кг) фрагмент надгробия найден под завалами стен, разрушенных австрийскими солдатами в 1671/2 гг.

Рядом с эпитафием лежали плиты оконного перекрытия конца XVI в. с элементами декора и надписями. В первую очередь это фрагменты шлифованных рельефных каменных плит – элементов интерьера. Кроме мелких обломков туфовых блоков с выпуклыми буквами, присутствуют элементы двух оконных декоров в виде соединённых арок. На одном из них (состоял из пяти обломков) кроме растительной орнаментации (цветы) сохранился фрагмент надписи в три ряда: [H]OC OPVS RESTAVRAV[IT] [M]AG(NIFICUS) DOMINVS IOHANNES DE PEREN COMES COMITATVS DE VGOCHIA 15() KG (это сооружение восстановил добрый господин Янош Перени – жупан комитата Угоча в 15()). Исходя из конструктивных особенностей оконного декора, характерных для конца XVI в., в надписи, скорее всего, упомянут Янош Перени, ставший жупаном комитата Угоча в 1576 году.

Сложно сказать, при каких условиях часть надгробной плиты конца XV в. попала в более поздний горизонт. Не исключаем, что накануне разрушения крепости солдаты австрийского гарнизона ограбили часовню, где были похоронены хозяева Нялаба. После этого фрагменты разбитого надгробия были перенесены в замковые помещения. Подобных случаев в истории средневекового Венгерского королевства было немало, впрочем, как и в других странах Европы. Иногда для добычи драгоценностей, с которыми были похоронены аристократы, разбивали саркофаги и разрушали их надгробные плиты (не пренебрегали в то время заниматься этим ни мусульмане, ни христиане) (Nankó 2004, 17-19). В отдельных случаях обломки барельефов разбирали и использовали для строительства, украшения или укрепления замковых стен, поэтому во время раскопок они попадают в довольно неожиданных местах (Lóvei 2015, 89-91).

Рис. 6. Надгробие Иштвана Перени († 1483/7 г.).

Фрагмент плиты из красного мраморизированного известняка – это середина верхней части надгробия, на котором изображена лежащая на подушке голова рыцаря в шлеме (рис. 2-4). Возле подушки, слева от рыцаря, фрагмент копья или флагштока, а под флагом хорошо видно укрытое тканью смертное ложе. Единственная полностью сохранённая часть надгробия – верхний край над головой покойника, на котором отлично видна свисающая со смертного ложа бахрома на ткани (рис. 5). Благодаря этому понятно, что вокруг плиты не было ни одной надписи или обрамления, она накрывала саркофаг.

Полотнище к флагштоку крепилось при помощи петель, две из которых хорошо видны на обломке. Из орнамента на флаге просматривается только выгнутая полоска, возможно, нижняя часть гербового щита.

Рис. 7. Надгробие Имре Саполяи († 1487 г.).

Рис. 8. Надгробие Иштвана Батори († 1493 г.).

Поверхность подушки покрывает двойная наволочка: нижний слой ажурный, а над ним слой ренессансной парчи с растительным орнаментом, украшенный с боков и посередине пуговицами и бахромой, собранной в углах так, чтоб просматривался нижний слой наволочки.

Изображение умершего на барельефе сохранилось частично. Сильно повреждены лоб, глаза, нос, губы и подбородок. В то же время о высокохудожественном исполнении надгробия свидетельствуют морщины на лице, выступающие вокруг глаз и рта чёткими врезными линиями.

На голове умершего – шлем типа салат (salade). Несмотря на повреждения барельефа, в области скулы чётко видны заклёпки, при помощи которых забрала крепились к шлему. Хорошо выделяется на изображении и под-

шлемник. Только на основе характерных особенностей шлема мы можем датировать надгробие серединой XV – 20-ми годами XVI в. (Prohnenko, Zsilenko, Buzás 2015, 9-10). Кроме того, необходимо рассмотреть другие характерные черты камня, по которым его можно отнести к особой группе рыцарских надгробий на территории средневекового Венгерского королевства.

Первые надгробия с изображением рыцаря в полный рост в Европе известны уже в XIII-XIV вв., но в Венгрии они широко распространились лишь с последней четверти XV в. (Magyarországi 1987, 340-341). Изготовленные в диапазоне 1480-1530 гг. экземпляры по отдельным признакам исследователи выделяют в три большие хронологические группы. Первая, наиболее ранняя – надгробия, изготовленные в последние годы правления короля Матьяша

Хуньяди, в 1480-х гг. Наиболее репрезентативным представителем этой группы является надгробие умершего в 1487 г. Имре Саполяи (рис. 7). К этому же временному диапазону относится надгробие без надписи из Требишова, как считали раньше, умершего в 1519 г. палатина Имре Перени. Недавно П. Лёвеи доказал, что надгробие более раннее, и принадлежало оно отцу вельможи, камерарию Иштвану Перени, умершему между 1483-87 годами (Lővei 2009, 340-342) (рис. 6). Композиции надгробий похожи: на обоих изображены рыцари в позднеготических доспехах немецкого типа и шлемах салат. Правая рука лежит на груди под мышкой, рядом – копьё, на конце которого флаг с гербом. Левая рука положена на рукоять меча. Над головой рыцаря два ангела разворачивают короткий плащ, а рядом с воином ангелочки держат гербовые щиты. Ноги рыцаря поставлены на спину льва. Детали исполнения композиций (конструкция готической арки над головами рыцарей, масштабы изображения ангелов и львов) свидетельствуют о том, что памятники были сделаны разными мастерами. Недавно, в результате раскопок Р. Кертеца в г. Солнок, был обнаружен ещё один фрагмент надгробия из красного мрамора, которое, скорее всего, также выступает составляющей этой группы памятников. Надгробие было сделано для умершего в 1483 г. королевского конюшего Имре Палоци (Kerestész, Mezey 2015). Сохранился лишь фрагмент готических доспехов, но по технике исполнения находка очень схожа с требишовским надгробием Перени, поэтому не исключено, что памятники изготовил один скульптор.

Не следует забывать, что чёткая датировка надгробных памятников не всегда возможна, так как их могли заказывать и потомки, и сам собственник при жизни, поэтому время между изготовлением надгробия и смертью могло составлять несколько лет, а в отдельных случаях и десятилетий. Вместе с тем в стилистически однородной группе, благодаря датам смерти, указанным на надгробиях или определённым по другим источникам, можно довольно чётко обозначить хронологию их изготовления. Исходя из этого, годы смерти владельцев надгробий первой группы: Имре Палоци (†1483), Иштван Перени (†1483/87), Имре Саполяи (†1487), то есть мы можем их датировать в пределах 1480-х гг.

Вторая группа венгерских рыцарских надгробий, несмотря на определённую связь с памятниками эпохи Матьяша, представлена новыми формами и стилистическими решениями. Наиболее чётко эту группу представляет надгробие умершего в 1493 г. воеводы Иштвана Батори в Нирбаторе (Buzás 2009, 502-507) (рис. 8). Здесь также изображён рыцарь в готических немецких доспехах, в шлеме салат, с символом ордена Дракона на груди и львом под ногами, но в деталях исполнения наблюдаем существенные различия. Флаг не развивается над головой рыцаря, а очень реалистично покрывает смертное ложе. Новой деталью является подушка под головой умершего, покрытая двойной наволочкой из парчи с бахромой. Щит с гербом на композиции держат не ангелы – он опирается на меч. В этом случае мы видим не символическое готическое изображение, а ренессансный бар-

Рис. 9. Надгробие Пала Кинижи († 1494 г.).

льеф с реалистичным изображением покойника на смертном ложе. Правдоподобность изображения подчёркивает и лев, лежащий в анатомической позе возле ложа (в отличие от неестественного, вывернутого положения на готических надгробиях). Вероятно, надгробие находилось на тумбе из красного мрамора, так как на самой плите надписи отсутствуют.

Много общих черт находим между надгробиями Батори и умершего в 1494 г. Пала Кинижи в Надьважони (рис. 9). Хотя памятник из красного мрамора сохранился лишь фрагментарно, чётко выделяется образ умершего на покрытом тканью смертном ложе. Изображения рыцаря и его оружия расположены, как на надгробии Батори (Éri, Selmaut 2004, 11-17; Buzás 2009, 428-429). Среди отличий необходимо вспомнить в первую очередь фигуру турка под левой ногой усопшего и турецкую саблю рядом с мечом. Доспехи традиционные немецкие готические, но нагрудник типично итальянский с треугольной пластиной. Интересно, что нагрудник был вырезан отдельно и прикреплен к основе при помощи железных штифтов. Возможно, это следы более поздней реставрации, но не исключено, что его изготовили из другого материала. Такое исполнение указывает скорее не на немецкие, а на итальянские доспехи, состоящие из скрепленных между собою ремнями металлических пластин. Шлем – тоже не традиционный немецкий салат, он больше похож на итальянский арме, но с характерным для салада верхом и узкими, ровными забралами (Buzás 2009, 428-429; Prohnenko, Zsilenko, Buzás 2015, 13-14).

Надгробие и в этом случае лежало на ренессансной тумбе, резные элементы которой были обнаружены во время раскопок церкви в Надьважони. Боковые стенки саркофага декорировали барельефы со сценами из биографий святых и надпись буквами антиква. Без сомнения, надгробие Кинижи стилистически очень близко к памятнику Батори, что позволяет говорить о школе, но разница в деталях всё же указывает на то, что работу исполняли разные мастера.

К этой группе принадлежит и надгробие умершего в 1477 г. боснийского короля Миклоша Уйлаки. Как и на надгробии Кинижи, это нависающая тумба плита из красного мрамора. Исполнена без архитектурной рамы, с

изображением орнаментированного, свисающего с боков, покрывала из парчи. Отсутствие надписи на барельефе свидетельствует о том, что он был расположен на саркофаге. Умерший, как и на надгробии Батори, изображён в готических доспехах немецкого типа. Под головой – подушка с двойной наволочкой из парчи, под ногами лев, но, в отличие от двух предыдущих реалистичных изображений, – в неестественной, вывернутой позе львов на надгробиях эпохи Матьяша (Lóvei 2009, 333, 1123-1127 kép).

Вместо одного здесь изображено четыре гербовых щита, один из которых держат ангелочки, а над вторым расположен ещё и шлем. Эти геральдические мотивы существенно уменьшают реалистичность изображения. Среди индивидуальных особенностей надгробия необходимо вспомнить ещё и державу вместо копья с флагом, указывающую на королевский титул умершего.

По своим характеристикам именно к этой, второй группе надгробий принадлежит и нялабский экземпляр. Как и на остальных, смертное ложе покрыто тканью, под головой усопшего – орнаментированная подушка с бахромой, рядом копьё с флагом. Среди индивидуальных черт надгробия в первую очередь выделяется новый тип шлема. Сам барельеф, как и на надгробиях Кинижи и Уйлаки, без архитектурного обрамления, а надпись, вероятно, разместили на боковой части тумбы.

Поскольку находка обнаружена на территории Нялабской крепости, логично искать её собственника среди владельцев замка конца XV века. Королёво в начале столетия в дар за верную службу от короля Сигизмунда получил Петро Перени. Со временем замок стал резиденцией баронской ветви рода. Внук Петра, Янош Перени, упоминается в окружении Беатрисы, после смерти короля Матьяша он стал одной из доверенных особ королевы и благодаря ей в 1490-х гг. существенно расширил свои владения (Tringli 1992, 189-190). Умер Янош Перени в 1493 г. Его сыновья: Иштван был королевским стольником (умер в 1523 г.), а Габор – камерарием (погиб в 1526 г.).

Мнение о том, что наиболее вероятным владельцем нялабского надгробия можно считать именно умершего в 1493 г. Яноша Перени, высказал Г. Бузаш (Prohnenko, Zsilenko, Buzás

Рис. 10. Надгробие Евгения IV.

Рис. 11. Надгробие Павла II.

2015, 15). Своё предположение он аргументирует в первую очередь близкими датами смерти: Янош Перени и Иштван Батори умерли в 1493 г., Пал Кинижи в 1494 г. Миклош Уйлаки умер значительно раньше, в 1477 г. (A Regényi 2008, 314), но надгробие из красного мрамора, вероятно, заказал его сын Левринц Уйлаки. Принц Левринц после смерти короля Матяша стал одним из руководителей партии Яноша Корвина, а после поражения в битве на Чонтмезе стал на сторону Максимилиана Габсбурга. После отказа последнего от претензий на венгерскую корону, в 1494 г. Левринц стал организатором ещё одного заговора против Владислава II, а когда потерпел поражение, потерял даже родовой замок Уйлак. Вернуть его удалось только в 1496 г., когда и началась стремительная придворная карьера Уйлаки (Fedeles 2012). Вероятно, именно после возвращения родовой резиденции Левринц Уйлаки заказал надгробие для отца, исполненное по моде того времени, подчёркивая тем самым принадлежность к кругу придворных короля Владислава.

Рассматривая эту группу, нужно вспомнить ещё один фрагмент нижней части барельефа с изображением льва в анатомическом положении и упёртой на это животное ноги рыцаря. Ткань, покрывающая смертное ложе, частично накрывает и фигуру льва. С правой стороны расположен щит, копьё отсутствует. Профиль надгробия готический, плита накрывала тумбу. Несмотря на то, что на барельефе изображён рыцарь в доспехах, гербовый щит украшен полоской с кисточками, то есть символом высшего духовенства. Трактую такое объединение элементов, П. Лёвеи считает, что речь идёт о приоре вранского (ауранского) приората (Lóvei 2009, 237) – основного места сосредоточения иоаннитов в Венгерском королевстве. Поскольку эта группа памятников датирована 1490-ми годами, скорее всего, это надгробие Берталана Берисло, возглавлявшего ауранский приорат с 1475 по 1512 гг. Представитель хорватского рода Берисловичей, рыцарь Ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского, вместе с Левринцом Уйлаки прини-

Рис. 12. Надгробие Иштвана Саполяи († 1499 г.).

мал участие в заговоре 1494-1495 гг., а после поражения был заключён в тюрьму. Через несколько лет ему удалось вернуть и свободу, и благосклонность короля, и до самой смерти в 1512 г. он возглавил приорат (Engel 2001, 292). Его надгробие могло быть заказано ещё при жизни, но не исключено, что, изготовленное в 1512 г., именно оно стало наиболее поздним экземпляром этой группы.

Характерным признаком надгробий второй группы является реалистичная передача смертного ложа: покойника в рыцарских доспехах изображают на покрытой парчой поверхности, с подушками под головой. Рядом находились меч, флаг и гербовый щит. Корни этой традиции необходимо искать в итальянском художественном искусстве, в первую очередь среди папских саркофагов XIII в. Впервые изображение укрытого тканью смертного ложа с богато орнаментированной подушкой встречаем на надгробии папы Клементя IV (1265-1268) (Gardiner 1992, 55-56, fig. 25-27), со

временем такую моду переняли и его наследники, и многочисленные кардиналы. Начиная с XV в. похожие композиции распространяются среди светской элиты. В Венгрию они попадают благодаря посредничеству скульптора Джованни Далматы, который во второй четверти XV в. стал автором надгробия папы Павла II и нескольких известных кардиналов (рис. 10-11).

Далмата попал в Венгрию в начале 1480-х гг., возглавил королевскую мастерскую скульпторов, работавших на масштабных строительствах короля Матьяша. За работу в 1488 г. король наградил его значительными владениями. Это, возможно, связано и с началом изготовления надгробия самого Матьяша под руководством Далматы (Balogh 1966, 489-490). Именно в этот период появляются мотивы римской ренессансной скульптуры на землях Венгерского королевства. Использовали их и после 1490 года, во времена правления Владислава II.

Несмотря на то, что после смерти Матьяша Далмата покинул Венгрию (Röll 1994, 133), организованная им мастерская продолжила действовать, а высококвалифицированные скульпторы и дальше принимали заказы на надгробия родовитых вельмож – Батори, Перени, Берисловичей. Не удивительно, что образцом для них служило изготовленное несколькими годами раньше надгробие самого короля Матьяша. Несмотря на отдельные общие мотивы, «подобающие» каждому из баронов, барельефы не были копиями, на всех чётко выделяются индивидуальные особенности, связанные с личностью умершего.

Не исключаем возможности, что надгробия изготавливались скульпторами не в столичных мастерских, а непосредственно на местах. В пользу этого предположения свидетельствует анализ образца породы нялабского надгробия, проведённый доцентом кафедры инженерной геологии и гидрогеологии Одесского национального университета им. И. Мечникова, кандидатом геологических наук С.В. Кадуриним. Порода имеет карбонатный состав. Плотная, монолитная текстура даёт основания отнести её к мраморам, но довольно низкая твёрдость позволяет определить породу как мраморизированный известняк. Розовокрасный мраморизированный известняк на

Закарпатье добывают в районе долины реки Великая Уголька на Тячевщине, откуда, вероятно, и привезено сырьё для этой надгробной плиты.

Третья группа рыцарских надгробий конца XV – начала XVI вв. не такая монолитная, как две предыдущие. Уступают они и в качестве художественного исполнения. Обычно чётко просматривается влияние на них двух предыдущих групп. Наиболее качественный экземпляр из этой группы – надгробие погребённого в Спишской Капитуле (Словакия) Иштвана Саполяи, умершего в 1499 г. (Balogh 1982, 683-684) (рис. 12). Надгробие имеет много общих черт с барельефом брата умершего, Имре Саполяи, но готические архитектурные элементы здесь заменены ренессансными мотивами.

На надгробии Томаша Тарцаи (умер в 1493 г.), обнаруженном в посёлке Липаны (Словакия), тоже отлично прослеживается художественное влияние эпохи Матьяша, но композиция заметно проще, качество исполнения не такое высокое (Balogh 1982, 684). Изображения на надгробиях Марка Горвата в Надьважони (умер в 1508 г.) (Éri, Selmaуг 2004, 11-17) и Иштвана Мариаши в Маркушовцах (Словакия) (умер в 1516 г.) (Balogh 1982, 685) и во внешнем виде, и в качестве исполнения такие схожие, и их с уверенностью можно считать работой одного мастера. Они наследуют традиции 1490-х гг. и особенно похожи на надгробие Пала Кинижи (который лежал недалеко, в церкви Надьважоня). К этой же серии относятся (но они ещё худшего качества) шарошпотоцкие надгробия Мигалья и Антала Палоци (изготовлены в 1519 г.), Криштофа Варкоча с Кежмарка (около 1520 г.) и Левринца Уйлаки (1524 г.) (Balogh 1982, 681-683).

В завершение подведём итоги, что надгробия с изображением рыцаря в полный рост на смертном ложе в Венгерском королевстве стали распространёнными в последние годы правления Матьяша Корвина и связаны с деятельностью мастерской придворного скульп-

тора короля, итальянца Джованни Далматы. Выделяют их в три хронологические группы.

Первая датирована 80-ми годами XV века, для неё характерно изображение умершего в готических доспехах, со львом под ногами и гербовым щитом, который обычно держат ангелы. Наиболее чётко эту группу представляют надгробия придворных аристократов эпохи Матьяша: Имре Саполяи, Иштвана Перени и Имре Палоци.

Вторая группа отличается более реалистичным исполнением деталей: натуралистическое изображение умершего на смертном ложе, лев под ногами лежит в естественной позе, щит прислонён к мечу. Хронологически группа охватывает последнее десятилетие XV – первые годы XVI вв., представлена барельефами Иштвана Батори, Пала Кинижи и Берталана Берисло.

Третья группа стилистически не однородна. Хотя и основывается на скульптурных традициях предыдущих двух, но по качеству исполнения существенно им уступает. Датируется первой третью XVI в.

По стилистике и качеству исполнения обнаруженная на Королёвском замке Нялаб часть надгробия Яноша Перени принадлежит ко второй художественно-хронологической группе. Другие его фрагменты, а также обломки саркофага должны находиться где-то недалеко, наиболее вероятно, в разграбленной в 1671/2 гг. австрийскими солдатами замковой часовне.

На сегодня нялабское надгробие – всего третья средневековая подобная находка на территории Закарпатья (известны ещё плиты из Сюрте и Ужгорода). Материал, техника изготовления, определение мастерской и скульптора нялабского эпитафия позволяют обозначить влияние и богатство его заказчиков. Вместе с другими данными это ещё раз подтверждает значимость баронской ветви рода Перени в локальной истории микрорегиона эпохи перехода от готики к Ренессансу.

Библиография

- A Perényi 2008:** A Perényi család levéltára 1222-1526., Magyar Országos Levéltár kiadványai, II. Forráskiadványok 44. Szerk. Tringli István (Budapest 2008).
- Balogh 1966:** J. Balogh, A művészet Mátyás király udvarában (Budapest 1966).

- Balogh 1982:** J. Balogh, Grabmal der brüder Michael und Anton Pálóczy (1519) in Sárospatak; Grabmal des Palatins Stephans Szapolyai (gest. 1499) in Zipszer Kapitel (Szepeshely); Grabmal des Stephan Máriássy (gest. 1516) in Marksdorf (Márkusfalva); Grabmal des Thomas Tarczay (gest. 1493) in Siebenlinden (Héthárs) (Schallaburg 1982).
- Buzás 2009:** G. Buzás, A nagyvázsonyi pálos templom; Báthori István vajda nyírbátori síremléke. *Reneszánsz*, 2009.
- Engel 2001:** P. Engel, The Estates of the Hospitallers in Hungary at the End of the Middle Ages. The crusades and the military orders: expanding the frontiers of medieval latin Christianity. In: (Ed. Zs. Hunyadi) *In memoriam Sir Steven Runciman (1903-2000)* (Budapest 2001).
- Éri, Selmayr 2004:** I. Éri, J. Selmayr, Kinizsi Pál és Horváth Márk nagyvázsonyi síremlékeinek története és rajzi rekonstrukciója. *Magyar Múzeumok* 10/3, 2004.
- Fedeles 2012:** T. Fedeles, A király és a lázadó herceg. Újlaki Lőrinc és szövetségesei elleni királyi hadjárat (1494-1495) (Szeged 2012).
- Gardiner 1992:** J. Gardiner, The Tomb and the Tiara. Curial Tomb Sculpture. Rome and Avignon in the Later Middle Ages (Oxford 1992).
- Hankó 2004:** I. Hankó, Királyaink tömegsírban (Budapest 2004).
- Kerestész, Mezey 2015:** R. Kerestész, D. Mezey, Adatok egy bárói família és Szolnok késő középkori kapcsolataihoz: a Pálóci-sírkőtöredék. *Archaeologia - Altum Castrum Online*, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: <http://archeologia.hu/content/archeologia/351/kerteszmeyez-sirko.pdf>.
- Lóvei 2009:** P. Lóvei, Posuit hoc monumentum pro aeterna memoria. Bevezető fejezetek a középkori Magyarország síremlékeinek katalógusához (akadémiai doktori értekezés) (Budapest 2009).
- Lóvei 2015:** P. Lóvei, A Boldogasszony-plébániatemplom középkori sírköveiről. Mátyás-templom. A budavári Nagyboldogasszony-templom évszázadai (1246-2013). *Budapesti Történeti Múzeum Vármúzeum; Budavári Nagyboldogasszony-templom* (Budapest 2015).
- Magyarországi 1987:** Magyarországi Művészet 1300-1470 körül. szerk.: Marosi Ernő, Budapest, 1987, 340-341.
- Prohnenko, Zsilenko, Buzás 2015:** I. Prohnenko, M. Zsilenko, G. Buzás, A Nyalábvári Perényi-sírkő. *Archaeologia - Altum Castrum Online*, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа к статье: <http://archeologia.hu/content/archeologia/371/nyalabvar.pdf>, 15. 03. 2016.
- Röll 1994:** J. Röhl, Giovanni Dalmata (Worms 1994).
- Tringli 1992:** I. Tringli, Hunyadi Mátyás és a Perényiek. *Levéltári Közlemények*, 1992.

Piatra funerară a unui cavaler din castelul Njalab din Korolevo

Cuvinte-cheie: Pietre funerare ale cavalerilor, castelul Njalab din Korolevo, Pereni, Giovanni Dalmata.

Rezumat: În procesul investigării încăperii nr. 3 a castelului Njalab din orașul Korolevo, la nivelul podelei, sub ruinele pereților, a fost găsit fragmentul unul basoreliev din calcar roșu marmorat, parte a unei pietre funerare cu imaginea unui cavaler. Astfel de monumente apar în Europa în perioada secolelor XIII-XIV, iar în arealul carpatic – în ultimul sfert al secolului al XV-lea.

Lespezi funerare cu imagini de cavaleri redați în picioare pe patul de moarte în Ungaria apar în ultimii ani de domnie a lui Matei Corvin, fiind strâns legate de activitatea sculptorului de curte al regelui, Giovanni Dalmata. Au fost evidențiate trei grupe de astfel de lucrări.

Prima dintre ele datează cu anul 1480, caracterizată prin reprezentarea răposatului în armură gotică, cu leul sub picioare și cu scut heraldic, susținut de îngeri. Cele mai reprezentative din această grupă sunt pietrele funerare ale unor curteni din epoca lui Matei Corvin: Imre Szapolyai, Istvan Pereni și Imre Pálóczy.

Lucrările din cea de-a doua grupă se evidențiază prin detalieri mai realiste: imagini naturaliste ale răposatului pe patul de moarte, leul este culcat la picioarele lui în poziție naturală, scutul este sprijinit de sabie. Această grupă, datată în ultimul deceniu al secolului al XV-lea și primii ani ai secolului al XVI-lea, este reprezentată de basoreliefurile lui Istvan Bathory, Pala Kiniji și Bertlan Berislo. Din punctul de vedere al stilului și al calității, în această grupă poate fi inclusă și piatra funerară din castelul de la Njalab, atribuită lui Ianos Pereni.

Grupa a treia nu este omogenă stilistic. Cu toate că ea urmează tradițiile primelor două grupe, calitatea executării este mult mai joasă. Se datează cu prima treime a secolului XVI.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Partea centrală a castelului Njalab din Korolevo. Locul descoperirii pietrei funerare de cavaler.

Fig. 2. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo: 1 - desen; 1a - foto.

Fig. 3. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo.

Fig. 4. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo: 1a - vedere din stânga; 1b - vedere din dreapta.

Fig. 5. Fragmentul pietrei funerare descoperit în castelului Njalab din Korolevo. Partea superioară.

Fig. 6. Piatra funerară a lui Istvan Pereni († 1483/7 r.).

Fig. 7. Piatra funerară a lui Imre Szapolyai († 1487 r.).

Fig. 8. Piatra funerară a lui Istvan Bathory († 1493 r.).

Fig. 9. Piatra funerară a lui Pala Kiniji († 1494 r.).

Fig. 10. Piatra funerară a papei Eugeniu IV.

Fig. 11. Piatra funerară a papei Pavel II.

Fig. 12. Piatra funerară a lui Istvan Szapolyai († 1499 r.).

Knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb

Keywords: Knights' tombstones, Korolevo castle of Nyaláb, Perényi, Giovanni Dalmata.

Abstract: A fragment of a knight's tombstone, a massive piece of marbled limestone bas-relief, has been discovered at the floor level under the walls' debris during a study of room 3 of the castle of Nyaláb in Korolevo. Similar monuments appeared in Europe on the turn of the 13th - 14th centuries, while in the Carpathian region they were known since the last third of the 15th century.

Tombstones depicting a full-height knight on his deathbed were wide-spread in Hungarian Kingdom during the last years of reign of King Matthias Corvinus and were associated with the workshop of the royal court sculptor from Italy Giovanni Dalmata. They are divided into three chronological groups.

The first group dates from the 1480s and differs in that the deceased is depicted in Gothic plate armor with a lion at his feet and the coat of arms that angels usually hold. The most characteristic of the group are the tombstones of the following noblemen of King Matthias: Szapolyai Imre, Perényi István, and Pálóczi Imre.

The second group has a more realistic depiction of details: the naturalistic image of the deceased on his deathbed, the lion lies in a natural position, and the shield rests on the sword. This group chronologically varies from the last decade of the 15th century to the first years of the 16th century and is represented by the bas-reliefs of Báthory István, Kinizsi Pál, and Beriszló Bertalan. The recently discovered tombstone of Perényi János from Korolevo belongs to this group in terms of style and quality of work.

The third group is stylistically diverse. Although it is based on the traditions of previous groups, the quality of work here is worse. It dates from the first third of the 16th century.

List of illustrations:

Fig. 1. Central part of Korolevo castle of Nyaláb. The place, where a fragment of the knight's tombstone has been found.

Fig. 2. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb: 1 - drawing; 1a - photo.

Fig. 3. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb.

Fig. 4. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb: 1a - view from the left; 1b - view from the right.

Fig. 5. A fragment of the knight's tombstone from Korolevo castle of Nyaláb. The upper edge.

Fig. 6. The tombstone of István Perényi († 1483/7).

Fig. 7. The tombstone of Imre Szapolyai († 1487).

Fig. 8. The tombstone of István Báthory († 1493).

Fig. 9. The tombstone of Pál Kinizsi († 1494).

Fig. 10. The tombstone of Eugene IV.

Fig. 11. The tombstone of Paul II.

Fig. 12. The tombstone of István Szapolyai († 1499).

27.04.2018

Д-р Игорь Прохненко, Ужгородский национальный университет, пл. Народная, 3, 88000, г. Ужгород, Украина, e-mail: prohnenkoigor@ukr.net

Мария Жиленко, Ужгородский национальный университет, Археологический музей им. проф. Эдуарда Балагури, пл. Народная, 3, 88000, г. Ужгород, Украина, e-mail: arhlabunu@ukr.net

